

Золотая серьга / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 21 января, 2025

Золотая серьга / рассказ ЗОЛОТАЯ СЕРЬГА

Самая страшная беда наступает тогда,
когда человек теряет совесть.

(Мудрость отцов)

На дверь, тихонько поскрипывающую и хлопающую на ветру, смотрят все прохожие. Причем, смотрят все по-разному. Некоторые незнакомые путники думают с сожалением: «Наверно, это дом одинокого, безродного человека. Опустел после того, как тот человек ушел из жизни». Но соседи и знакомые совсем иного мнения: «Чтоб твою дверь только ветер открывал и закрывал!..» – и бросают на дверь полный ненависти взгляд. Молодежь, проходя мимо, посмотрит на эту скрипучую дверь, а потом обменяется многозначительными взглядами. Словом, никого она не оставляет равнодушным.

Вон по извилистой тропинке осторожно пробирается нарядно одетая молодая женщина. Когда она дошла до этого места, остановилась, как вкопанная, будто споткнулась на этом месте. Никто не обратил на нее внимание. Но она почему-то забеспокоилась. Переводя взгляд с двери на золотые кольца на своих пальцах, невольно поднесла руку к уху. Ойкнула тихонько, будто сейчас обнаружила отсутствие любимой золотой серьги, прикусила. Сердце, которое до этого бешено стучало, не помещаясь в груди, будто замерло на миг. Она хотела постоять еще немного, но увидела приближающуюся пожилую женщину и, смутившись, прибавила шаг. Пройдя немного, оглянулась, увидела, что женщина уже оставила позади эту таинственную дверь, а больше никого вокруг не было, и резко повернула назад. Быстрыми шагами она дошла до двери и вошла вовнутрь.

Войдя во двор, она чуть ли не бегом побежала к дому, расположенному в глубине. Схватила за ручку двери. Дверь, которая всегда широко распахивалась перед ней, на сей раз

оказалась неподатливой. Нарядная женщина не придавала этому особого значения. Воровито посмотрев по сторонам, дрожащими руками достала из сумочк ключ, данный ей некогда хозяйкой дома. По ее виду можно было подумать, что как только она отперет дверь, сразу же ворвется в дом. Но то ли от неприятного запаха, ударившего в нос, то ли из-за непонятного страха, переступив порог, она остановилась в нерешительности, окидывая взглядом пустой дом. На цыпочках, как воровка, прошла в соседнюю комнату. Задернув шторы на окнах, включила свет. А через несколько минут все и без того в неопрятной комнате, было перевернуто вверх дном. Пропыленные одеяла и подушки, пропахшие табаком, были раскиданы по комнате. Она перерыла все ящики колченого шкафа, стоящего в углу комнаты. Не найдя того, что искала, устало опустилась на кровать. Некоторое время сидела, подперев подбородок руками.

– Проклятые, чтоб вам света белого не видать! Сломалии нашу беззаботную жизнь, отравили все существование, сволочи! Наверно, кто-нибудь из них сунул в карман и мою серьгу! – стала проклинять она невесть кого. Ворча себе под нос, она невольно стала вспоминать тот печальный день, хотя ей очень не хотелось этого делать.

... У хозяйки дома Гульпери сегодня было превосходное настроение, и это чувствовалось по каждому ее жесту, каждому слову. Тихонько напевая, она кружила по комнате с легкостью, неподобающей ее обрюзгшему сорокалетнему телу. Танцевала. А речьб у нее была такой ласковой, будто она в рот меду набрала! Устав, она опустилась возле сачака, подложила под локоть аж целых три подушки! Налила в пиалу чай, сделала пару глотков и крикнула в сторону кухни:

– Эй, Ляле, ты людей голодом заморить хочешь? Принеси что-нибудь поесть! А то ведь мы ничего и не поели толком, чтобы перед этими людьми воспитанными оказаться! – она весело рассмеялась. – Кстати, как я с ними обошлась? Ободрала, как липку? Ушли довольные, будто приличную невесту получили. И не ведают они, что самое большее через месяц Нарыджан опять будет здесь, ха-ха-ха...

Гульпери смеялась до слез. Смеясь, она долго не прикасалась к

еде, которую принесла и поставила перед ней Ляле.

– Кстати, Ляледжан, принеси деньги, пересчитаем еще раз. Все ли правильно, не обсчитали ли нас?

– Правильно, Гульпери-енге, ровно три тысячи. Я ведь и сама их пересчитывала. – Ляле присоединилась к веселью хозяйки, посмеялась вместе с ней.

– Гульпери-енге, вот только... – начала она и запнулась.

– Никаких только, говори, что там у тебя на душе? – Гульпери совсем расщедрилась:

– Я хотела сказать, не много ли будет одной Нары всех этих денег...

– О чем ты говоришь, Ляледжан! Конечно же, каждый получит по заслугам, мы их разделим. Нарыджан и полутора тысяч хватит. Думаю, и тебе пятисот хватит с лишком, не так ли?

– Гульпери посмотрела на Ляле. Девушка была счастлива, ведь ее особых заслуг в этом деле не было, она была лишь девочкой на побегушках, подавала чай и еду. Она обняла толстушку:

– Если бы у нас не было Гульпери-енге, мы бы с голоду умерли!

– кокетливо произнесла она. После этого и Гульпери прекратила свой смех, стала серьезной.

– Это ты правильно говоришь, Ляледжан. Знаешь такую пословицу – «рука руку моет, а две руки – лицо?» Мы если не будем поддерживать друг друга – ничто (не имеем за собой силы). А потом пошла в наступление на молодую девушку. – И поэтому надо постараться сделать так, чтобы отсутствие Нарыджан не было заметно. До ее возвращения придется нам с тобой попытеть немного, лишнюю нагрузку на себя взять.

– Хорошо, енге, лишь бы не просила за одну ночь с двумя быть. Вот этого я терпеть не могу! – ответила Ляле, кокетничая.

Гульпери, так легко заработавшая огромную сумму денег, не стала сейчас тревожить девушку, портить ей настроение. А лишь добавила:

– Ладно, если обстоятельства сложатся так, я сама попробую что-нибудь придумать. Мне-то все это не впервой. Только тебе тоже придется постепенно ко всему приучаться. Иначе источник наших доходов начнет пересыхать.

Тихий стук в наружную дверь перебил их мирную беседу. Гульпери

сказала Ляле:

– Слышишь, девушка, у меня сегодня с утра чесалась правая ладонь, похоже, всевышний хочет дать нам еще немного подзаработать!

Кокетливо вскинув брови, она легко вскочила с места и направилась к выходу. Спустя минуту вошла, ведя за собой трех пареньков. Крикнула:

– Аю, Ляле, к нам гости пришли! Давай, завари свежего чаю. Молодчина Аташка, и друзей с собой привел.

Аташка вел себя как в собственном доме: пригласил друзей устраиваться поудобнее, сам принес из соседней комнаты подушки и кинул каждому по подушке.

– Ребята, здесь вы можете чувствовать себя, как у себя дома. Раздевайтесь и располагайтесь поудобнее.

Через некоторое время, как было всегда в таких случаях, в доме началось веселье. Пьяный Аташка, положив голову на зад Гульпери, обратился к ней:

– Моя пери, вот эти двое – мои лучшие друзья. Они только вчера приехали из села. Вчера вечером мы сидели у меня, мы очень хорошо ели и пили, но все равно нам чего-то не хватало. «Изюминки» не было на нашем вечере. Я потом понял, что нам не хватало тебя, Нарыджан и Ляледжан. Поэтому мы сегодня и пришли к вам. Если позволишь, мы намерены сегодня здесь заночевать.

Гульпери поставила на стол рюмку с коньяком, пальцами расчесала волосы Аташки.

– Это от вас зависит, Аташка! – ответила она, стрельнув глазами.

Аташка, словно дожидаясь этих слов, достал из кармана хрустящую пятирублевку кинул на среднюю.

– Будь спокойна, если от нас зависит, мы за ценой не постоим.

Гульпер готова была взглядом сожрать хрустящую купюру, но вду не подала. Напротив, сделала рассерженный вид:

– Эй, парень, неужел вы втроем рассчитывали повеселиться на такие деньги? Честно говоря, на вашем месте мне было бы стыдно.

– Ну ладно, не стоит о деньгах вести речь – произнес один из молчавших до сих пор парней и достал из кармана еще двадцать

пять рублей.

Гульпери широко заулыбалась. «Молодцы, ребята не жадные. Были бы все такими!» – и в душе похвалила она последнего.

Аташка, будто вспомнив о чем-то, стал озираться по сторонам. Похоже, он кого-то искал.

– Пери, а где, кстати, Нары, что-то ее не видно?

– О ней не беспокойся, Аташка, нас хоть и двое, но одну ночь мы сможем вас развлечь! – Гульпери притянула Аташку к себе. – А друзья у тебя скромные, как девушки на выданье! – и весело расхохоталась.

Аташка повернулся к парням:

– Не надо так думать, это у них вид обманчивый. – Потом он сказал Ляле: – Ляляшка, а ну возьми с собой Хыдыра и иди в свою комнату. Похоже, пока вы не останетесь одни, вы и словом не перекинетесь.

Ляле кокетливо посмотрела на Хыдыра, жеманно улыбнулась и встала. Жемчужины ее белых зубов сейчас были похожи на шляпки шампиньонов, пробивающихся сквозь почву. Хыдыр и в самом деле был счастлив, будто нашел гриб. Слово приклеенный, он встал и молча последовал за девушкой. Спустя некоторое время из комнаты Ляле донесся непонятный говор, а затем и скрип кровати...

Отправив второго своего товарища с Гульпери, Аташка остался один. Полулежа, он курил. Вдруг его взяло зло, что здесь нет Нары. Поначалу он решил выместить свою злость на выпивке, одну за другой опустошил все рюмки с водкой. Но водка не успокаивала, напротив, он становился еще пьяней. С трудом поднявшись, он, шатаясь, направился в комнату Ляле. С силой толкнув ногой дверь, он вошел в комнату. Его появление перепугало Хыдыра, пребывавшего в состоянии блаженства. Схватив лежащее рядом платье Ляле, он попытался прикрыть им срамные места своего тела. Но Аташку это не смутило, ему до этого дела не было:

– Эй, Хыдыр, ты уже два часа наслаждаешься! И не думаешь, что другим тоже хочется! А ну давай, вставай, иди отсюда! – сказал он заплетающимся языком.

Хыдыр постоял немного, не зная, как себя вести в таких

случаях, а потом начал одеваться. Однако Ляле обняла его, не захотела отпустить:

– Ты не уходи, Хыдыр! Пусть Аташка, если хочет, идет к Гульпери.

Эти слова еще больше разозлили Аташку, который и без того был сердитый.

– Что ты сказала, сучка? Я лучше знаю, куда мне идти! – он со злобой выхватил Хыдыра из объятий Ляле и вышвырнул его за дверь. Тем временем на шум подроспела Гульпери. Обняв Аташку, она попыталась успокоить его. Но тот уже был в ярости, никого не слышал. Сняв с шеи руки Гульпери, он и ее оттолкнул. Гульпери стукнулась головой об стену. Аташка не придавал этому значения. Прижал к груди Ляле. Ляле раскричалась, царапала ему лицо, шею, руки, кусала его. В конце концов ей удалось вырваться из его цепких рук. Правая рука Аташк зацеплась за ухо Ляле, когда она дернулась, чтобы вырваться, почувствовала острую боль в правом ухе. Но в тот момент она не подумала о своей золотой серьге, ей хотелось поскорее спрятаться за спину Гульпер. А та даже забыла о бол в своей голове, опять попыталась успокоить Аташку. Она обняла его снова:

– Аташка, прошу тебя, успокойся. Я же тут, я твоя. Мы с тобой всю ночь вместе проведем.

Но Аташка распалялся еще больше. Он ткнул пальцами в лицо Гульпери:

– На что ты мне нужна, такая бочка! Убирайся с моего пути!

Гульпери, нкогда не слышавшая таких слов н от кого, ушам своими не поверила. Она зло посмотрела на Аташку. А тот, обозленный, что какая-то женщина не отпускает его, с силой влепил ей пощечину. Гульпери закачалась, а потом грохнулась о пол.

Злость Гульпери достигла своего апогея. До сих пор она позволяла себе выражать недовольство многими мужчинами, даже достойными, а тут какой-то сопляк, вполовину младше ее, позволил себе поднять на нее руку. Самолюбие ее было задето. Стерев с разбитых губ ладонью кровь, она выматериила Аташку, заставлявшего орать Ляле. Потом, держась за стенку, отправила на кухню. Там заметила двух парней, которые

сидели в беседке и курили. Это еще больше разозлило Гульпери. – Что вы за мужчины такие, я-то знаю, как надо было бы поступить с вами! – она грязно выматерилась, плюнула со злостью. Вместо плевка изо рта выскочил сгусток крови. Но парни, стоявшие во дворе, не расслышали ее слов, да и на нее не обратили никакого внимания. Для Гульпери это даже лучше было. Зайдя на кухню, она схватила нож и пошла обратно.

– погоди, я не успокоюсь, пока не пролью твою кровь! Вот увидишь! – с этими словами она вошла в комнату и вцепилась в волосы Аташки. Парень, потерявший голову от страсти, не обратил на нее внимания, хотел попросту оттолкнуть ее. И в этот момент Гульпери занесла над его головой руку с ножом...

Девушка, все еще сидевшая на кровати, подперев подбородок руками, вздрогнула. Глаза ее округлились от страха. Он торопливо выкрикнула свет и поспешила на улицу, забыв о своей золотой серьге, за которой пришла сюда.

На пороге она споткнулась и еле удержалась на ногах. «Сколько пьяных парней спотыкалось об этот порог, в конце концов и со мной это случилось!» Эта мысль, пришедшая в голову, вдруг стала давить на плечи стройной девушки с невероятной тяжестью. Казалось, быстро удаляющаяся с этого места девушка под тяжестью непомерного груза все больше уходит в землю.

... А калитка, скрипящая на осеннем ветру, с одной стороны, напоминала человека, сокрушенно качающего головой, переживающего за эту девушку, а с другой стороны – будто она (калитка) раскаивалась в том, что стала дверью для этого дома. Все раскачивалась из стороны в сторону и постанывала тихонечко, постанывала...

Довран АГАЛЫ. Некауаҭар